

УДК 82-3:291.37

Е.О. Козлова

ОСОБЕННОСТИ СЮЖЕТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПАЛОМНИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

Паломничество как литературный жанр характеризуется своеобразием пафоса, стиля и композиции. О. Белоброва считала «обычным типом паломничества» форму литературных произведений, в которых «содержится сюжетное обоснование посещения героем святых мест, а затем последовательно излагаются его перемещения среди достопримечательностей и реликвий православия» [1, с. 264–265]. Важная сторона организации паломничества – это его динамический аспект, представленный с разной степенью выраженности в каждом конкретном повествовании. В своей статье мы намерены охарактеризовать особенности внешней и внутренней событийности в паломнических произведениях, специфику отображения библейских сюжетов в них.

1. События священной истории как сюжетопорождающая сторона паломничества. Факты, изменившие ход священной истории, выступают прообразами событий путешествия по святым местам. Благодетельный путник отправляется в дорогу, чтобы воочию увидеть места сакральных деяний. Он удостоверяется в истинности существования географических объектов, о которых ему стало известно из благочестивого чтения. Игумен Даниил отправился в путь, захотев видеть Иерусалим и Землю обетованную, поклониться гробу Господню, посетить и описать святые места, где Спаситель «претерпел страсти нас ради, грешных» [10]. Поэтому библейские и евангельские сюжеты в его сочинении и в последующих образцах жанра следуют в том порядке, в котором паломник посещал места священных событий. Так, в повествовании современного писателя В. Крупина «Незакатный свет» автобиографический герой, приехав в Вифлеем, вспоминает об обстоятельствах Рождества Христова: «И помню, как вдруг что-то позвало и я выскочил из гостиницы под звездное небо. Ведь это то небо, по которому шла звезда к Вифлеему. Вот там, не видно, но знаю, там Бет-сахур, дом пастухов. На месте, где ангелы сошли, воспевая: «Слава в вышних Богу, на земли мир, в человецех благоволение», стоит храм. Отсюда пастухи шли в Бет-лехем, в «город хлеба» (так переводится с арабского Вифлеем)» [11, с. 147].

Динамичный аспект паломничества складывался из воспоминаний о посещении мест, связанных с библейскими событиями. Произведения жанра содержат пересказ легенд, апокрифов, местных преданий, ветхозаветных и евангельских историй. Это драматизированное в авторском сознании переложение устных рассказов и библейских воспоминаний. Игумен Даниил эмоционально пересказывает предания о святых местах Иерусалима. Например,

он приводит такую историю: «И есть там на склоне место, на которое прибежала святая Богородица. Она торопилась следом за Христом и говорила в болезни сердца своего сквозь слезы: «Куда идешь ты, дитя мое? Чего ради движение твое так быстро? Или снова брак в Кане Галилейской, и туда торопишься, сын и Бог мой? Молча не уходи от меня, родившей тебя, промолви мне слово, рабе своей». И придя на то место, святая Богородица увидела с горы той сына своего, распинаемого на кресте, и, видев, ужаснулась, и согнулась, и села, одержимая печалью и рыданием» [10]. Предания о сакральных событиях кратко излагались автором паломничества в связи с тем или иным пространственным объектом, выступая в качестве своеобразного «рассказа в рассказе» и «сюжета в сюжете». Вступая в пределы Святой Земли, благочестивый путник осознает себя за гранью обыденного мира и оказывается в мире вневременного, «всегда сущего» свершения событий священной истории. Эмоционально проживая эти события, он чувствует свою сопричастность, со-бытие в их свершении.

2. Внешняя событийность в паломническом произведении. На протяжении двух первых столетий существования жанра в древнерусской литературе авторы не сосредотачивали внимания на том, что с ними происходило – для них было важнее, где они побывали и что видели. Поэтому эпический сюжет в благочестивом путешествии был ослаблен, повторяясь в последующих образцах с незначительными вариациями. Вместе с тем, уже в первом образце жанра, в финальной части «Хождения» игумена Даниила находим завершенное сюжетное повествование о схождении Благодатного огня [2, с. 170–171]. Знакомства с обитателями чужих земель, обрядовой практикой представителей иных конфессий, посещение сакральных природных объектов и культовых сооружений составляют эпический сюжет благочестивого похода. События паломничества в большой степени выстраиваются вокруг хронотопа дороги, складываются из этапов путешествия, дорожных приключений и встреч. Степень динамичности повествования определяется эпизодами пребывания в сакральном топосе. Путник участвует в богослужениях, иногда становясь очевидцем чуда. Свидетельства такого рода встречаются не только у игумена Даниила и других средневековых авторов, но также в современной прозе (например, сборник паломнических описаний «Путешествие в Палестину»). В. Крупин рассказывает о чудесах, происшедших в Святой Земле у него на глазах и с ним самим (схождение благодатного огня, круговое движение солнечного луча по храму, исцеление глаз после погружения в святой источник) [11, с. 155–156, 161–162].

В произведениях этого жанра отражаются трудности и страхи, переживаемые героями-рассказчиками в пути. Авторы вспоминают перипетии дальнего пути и его опасности. По мысли П. Белоуса, непосредственность, с которой паломники описывали условия путешествия, особенно экстремальные ситуации, изменяла повествовательную окрашенность произведения [2, с. 181]. В. Данилов говорил о том, что впечатления авторов новых паломнических

хождений выливались в такое жанровое новшество, как изображение опасностей пути [8, с. 31]. То, о чем Даниил упоминает лишь вскользь, последующие паломники показывают все чаще и подробнее. Для авторов позднейших образцов рассматриваемой литературной формы стали важны дорожные приключения. Описание нападения разбойников у иеромонаха Зосимы отличается от виденья такого же события И. Лукьяновым, человеком Петровской эпохи. Позднейшее изображение живее, проще и реалистичнее. Зосима образно описывает нападение разбойников, вводя в словесную ткань выразительные эпитеты для изображения блеска оружия, явно заимствованные из воинских повестей. И. Лукьянов сосредоточил сочувственное внимание на страданиях людей, подвергнутых избиению. Особенности мировоззрения авторов варьировали угол зрения при оценке однотипных эпизодов [8, с. 31]. У И. Смолянина читаем, как на пути в Царьград митрополит Пимен был схвачен и связан венецианцами, вымогавшими долг: «...Мы же с ним без вины погибаем» [14], И. Лукьянов вспоминает, как он и его спутники попали в метель, заблудились и с трудом нашли дорогу: «...Близ смерти быхом» [15, с. 6], а у инока Парфения драматически переданы обстоятельства высадки русских паломников на палестинский берег в бурю. Мифопоэтика сюжета в описании паломничества состоит в том, что акт «динамической жертвы», приносимой героем в процессе преодоления трудностей и опасностей далекого пути – это живой и деятельный отклик на центральное свершение священной истории – крестную жертву Спасителя. Так сакральное событие преобразуется в тему описания сакрального путешествия, а обрядово-ритуальная практика благочестивых путешествий отражается в жанре паломнических описаний.

Процесс секуляризации путевой прозы повлиял на жанр паломничества. В период перехода от художественной системы средневековья к литературе Нового времени в произведениях паломнического типа усиливались признаки беллетризации, возрастала роль сюжетности и занимательности. Я. Лурье объяснял эти явления в литературе переходного периода тем, что со временем сюжетные схемы, переходя из одного произведения в другое, стали превращаться в обязательный канон, ощущавшийся как однообразие стиля, а это вызывало к жизни новые остросюжетные повествования [13, с. 64]. Кроме того, в паломничествах нового типа появился пересказ увлекательных биографий интересных личностей, встреченных в пути [8, с. 31]. Произведения рассматриваемого типа стали включать в себя рассказы о вехах светской истории безотносительно к сакральной цели или библейскому контексту, авторы стали освещать явления политической жизни посещенных стран. Показ происшествий в них интереснее и напряженнее, принципы сюжетосложения усложнились. Так, у В. Барского рассказывается о ране, болезни, обидном отступничестве близкого человека и одиноких мытарствах по больницам и гостиницам. Наполнившись событийными подробностями, благочестивые путешествия становились динамичнее. Повествование обретало яркость,

увлекательность, внимание заострялось на поворотных моментах благочестивого путешествия.

В паломничествах XIX в. представлена разная степень сюжетности. В творении И. Брянчанинова «Посещение Валаамского монастыря» ярче выражены черты путеводителей с их описательностью, рассказами о монастырском уставе, экскурсами в историю обители и края. В то же время, инок Парфений детализует обстоятельства путешествия, посещения святых мест, живо описывает встречи с людьми и участие в богослужебной практике.

3. Внутренняя событийность в паломничестве. Помимо внешней событийности, паломничество изображает внутренний, лирический сюжет – переживания героя, его мысли, религиозно-мистические состояния – то, что можно назвать динамикой человеческого духа. Внешняя событийность паломничества предопределяет внутреннюю событийность, «запрограммированную» маршрутом и литургической практикой в сакральных топосах. Кульминация лирического сюжета – переживание героем праздничных, радостных эмоций в святых местах. Этот момент отражен в «Путешествии в Иерусалим» В. Барского: «Запали убо весь народ свои свечи, некоторые же друг от друга, обаче едина сила и благословение от всех восприимутся. Архиерея же внесоша внутрь олтаря еле жива от угнетения народнаго и тамо препочивши мало укрепился, бысть же тогда церковь вся полна пламене огненнаго и зряшеся яко река огненная текущая, или яко пламенно носныя Херувимы летающия по храме Господнем, от него же страх и радость неизглаголанная пронзали в утробу человеческую, и бысть в народе торжествование и удивление много» [6, с. 81–82]. В ходе развития событийной линии герой-рассказчик претерпевает динамичные внутренние изменения. В финале он предстает обновленным человеком, закаленным испытаниями пути, познавшим мистический опыт и духовно обогащенным.

Внешняя событийность ослаблена в повествованиях о паломничествах культурологического характера (Н. Глушкова пишет о типе культурологических хождений [5, с. 7]). В этой разновидности литературы путешествий авторы описывают поездки в места, сакрализованные в их сознании. В таких произведениях важное место отведено эмоционально окрашенным рассуждениям о священном для рассказчика объекте. Это повествования о посещении мест, связанных с важными историческими событиями или судьбой любимого писателя. Культурологическая разновидность паломнических произведений появилась в литературе нового времени: «Любопытным примером переосмысления традиционного паломнического маршрута в духе литературных вкусов романтизма может служить очерк арзамасца Д. Дашкова «Русские паломники в Иерусалиме. Отрывок из путешествия по Греции и Палестине в 1820 году», где среди иерусалимских реликвий подчеркнуто выделяются новые, «литературные»: «Я смотрел на могилу Годфреда, и вдохновенная Тассова песнь гремела в моем слухе» [7, с. 29–30]. Если в древних паломничествах, в творениях В. Барского и

инока Парфения авторы передают преимущественно коллективные эмоции соборного сообщества верующих, то в новых произведениях жанра образ переживания становится индивидуализированным.

В рассказе И. Бунина «Казацким ходом» автобиографический герой отправился в плавание по порогам Днепра на Хортицу в тщетных поисках следов Запорожской Сечи. Одной из целей поездки было посещение могилы Т. Шевченко, которого И. Бунин высоко ценил: «...И ждал увидеть вечное пристанище того, кто так горячо любил все это, кто воплотил в своих песнях всю красоту своей родины вместе с горестями своей страдальческой жизни, и чье простое крестьянское имя – Тарас Шевченко – навсегда осталось украшением русской литературы» [3, с. 187]. Рассказчик передает сильное впечатление от созерцания скромной и величественной могилы, сочувственно размышляет о горькой судьбе поэта, напрасно мечтавшего о доме над Днепром и получившего его в виде памятника после смерти.

В рассказе С. Воронина «Тамань» путешественник отправился в провинциальный городок, изображенный в романе «Герой нашего времени». Эпический сюжет отчасти воспроизводит цепь происшествий, описанных у Лермонтова, и определяет этапы внутренней событийности. Герой современной «Тамани» появился в этом городке еще затемно, был бдительно остановлен вооруженным караульным и поселен в неудобном жилье: «...И я долго не мог уснуть, думал с удивлением о том, что нахожусь на той самой земле, где уже беспрерывно более двух тысяч лет живут люди, что когда-то здесь был большой город с ...названием – Тмутаракань» [4, с. 388]. Знакомство персонажа С. Воронина с хозяйкой гостиницы Любой и ее маленьким сыном соответствует событию встречи Печорина со слепым подростком, «ундиной» и старухой. Мотив «злодейства», связанный в «Герое нашего времени» с событиями приезда контрабандистов, кражи и покушения на убийство, трансформировался в рассказе Любы в поступок ее мужа, – тот пытался погубить младенца. Как и «честные контрабандисты» после разоблачения, муж Любы спасся от наказания бегством: «...Глядя на эту женщину и ее сына, вспомнил брошенного слепого, его безутешные слезы, и, понимая, что круг замкнут и что больше мне уже делать здесь нечего, рассчитался за ночлег, взял чемодан и пошел к автобусной остановке» [4, с. 393].

Лирический сюжет в рассказе связан с размышлениями путника об истории. Он вспоминает о «казацком» периоде в прошлом этой станицы и о недавних войнах, затронувших ее. Рассказчик раздумывает о творческом потенциале жизненных впечатлений писателя, полученных в реальном пространстве: «В Тамань я приехал с единственной целью посмотреть этот «скверный городишко», где когда-то бывал Лермонтов ...где сидела «ундина» у скалы, где чудь не погиб Печорин, а может, и сам офицер Лермонтов, – потому что в конечном писательском счете многое берется в книги из той жизни, какой жил сам писатель» [4, с. 386]. Отыскав на берегу постройку, напомнившую жилье Печорина, путешественник почувствовал живую связь с ушедшими

поколениями. Его рассуждения приобретают характер лирической медитации высокого эмоционального звучания.

Исторические события, происшедшие в сакральном пространстве, заново переживаются героем-рассказчиком и дают ему ключ к пониманию современной действительности. Первопричиной для таких повествований становятся знаковые эпизоды из истории родины. Эпический сюжет в таких произведениях ослаблен, акцент сделан на внутренней событийности. И. Шмелев ввел мотив паломничества в свое произведение «Куликово поле» (1939–1947), которому дал жанровое определение «рассказ следователя». Повествование строится вокруг события чуда явления святого. В послереволюционные времена лесной объездчик Василий Сухов проездом оказался на Куликовом поле, где ему явился преподобный Сергий Радонежский. Обретение креста и молитва предварили неслучайную встречу, натолкнули простого человека на прозрение трагизма исторического тупика, в котором оказалась Россия: «И тут, на пустынном поле, в холодном дожде и неуют, в острой боли, ему представилось, что все погибло, и ни за что» [16, с. 76]. Его отчаянье преодолевается радостью духовного общения и утешения – так в повествовании проявился пасхальный архетип перехода от страданий к радости, свойственный русской литературе в целом и жанру паломничества в частности [9]. Русские писатели-почвенники второй половины XX столетия продолжали создавать новые произведения о походах к месту Куликовской битвы («Захар-Калита» Солженицына, «Святое Поле» В. Крупина, «Ближний свет издалека» В. Распутина). Герой-рассказчик таких повествований отправлялся к месту Куликовской битвы, желая прикоснуться к древнему «культурному слою» этой земли и яснее представить себе то великое, что на ней происходило. В повествованиях о Куликовом поле авторы раздумывают о смысле истории своей родины, о том, как историческая и культурная память определяет духовное содержание современной жизни.

Таким образом, в период становления жанра сюжет имел второстепенное значение в произведениях описательного характера. Событийная линия в паломничествах связана с библейскими событиями. «Мифопоэтика» сюжета произведений рассматриваемого типа заключается в том, что событие «динамической жертвы» совершаемого подвижничества – отклик на центральное событие священной истории. События паломничества отчасти выстраиваются вокруг хронотопа дороги, складываются из этапов путешествия, дорожных приключений и встреч. И, в то же время, в благочестивых путешествиях представлена линия внутренней событийности. Первопричиной новых повествований с чертами паломничества, имеющих культурологический характер, становятся знаковые эпизоды из истории и литературы. В них преобладает рефлексия по поводу впечатлений от посещения мест, священных в сознании путника. Вспоминаемые в этих местах исторические и литературные события заново драматизируются в сознании рассказчика. Вопрос о

своеобразии сюжетной организации культурологических паломничеств нуждается в дальнейшем детальном изучении.

Литература

1. Белоброва О. А. Черты жанра хождений в некоторых древнерусских памятниках XVII века / О. А. Белоброва // Труды отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) / Отв. ред. А. М. Панченко. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1972. – С. 257–265.
2. Білоус П. В. «Хожденье» ігумена Даниїла і паломницька проза на Україні у XVI–XVIII ст. / П. В. Білоус // Писемність Київської Русі і становлення української літератури. – К. : Либідь, 1988. – С. 167–184.
3. Бунин И. А. «Казацким ходом» / И. А. Бунин // Рассказы / И. А. Бунин. – М. : Правда, 1983. – С. 181–192.
4. Воронин С. Тамань / С. Воронин // Антология русского советского рассказа (60-е годы) / Сост., авт. вступ. статьи и примеч. А. П. Ланщиков. – М. : Современник, 1989. – 559 с.
5. Глушкова Н. Б. Паломнические «хождения» Б. К. Зайцева: Особенности жанра : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / Н. Б. Глушкова. – М., 1999. – 16 с.
6. Григорович-Барский В. Г. Из книги «Странствия Василя Григоровича-Барского по Святым местам Востока с 1723 по 1747 г.» / Василий Григорьевич Григорович-Барский // Путешествия в святую землю. Записки русских паломников и путешественников XII–XX вв. – М. : Лепта, 1994. – С. 81–82.
7. Гуминский В. М. Жанр путешествия в русской литературе и творческие искания Н. В. Гоголя : автореф. дис. на соискание учен. степ. докт. филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / В. М. Гуминский. – М., 1996. – 41 с.
8. Данилов В. В. К характеристике «хождения» игумена Даниила / В. В. Данилов // Труды отдела древнерусской литературы. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1954. – С. 102–104. – Т. X. – 1954. – 508 с.
9. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности / И. А. Есаулов – М. : Кругъ, 2004. – 560 с.
10. Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли [Электронный ресурс] : Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. – Режим доступа к тексту: <http://www.pushkinskijdom.ru> > ... >. – Том 4.
11. Крупин В. Незакатный свет. Записки паломника / В. Крупин // Путешествие в Палестину. – М. : Союз писателей России, Русская Миссия: Издательство Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2004. – С. 144–193.

12. Крупин В. Святое поле / В. Крупин // Кольцо забот/ В. Крупин. – М. : Молодая гвардия, 1982 – С. 10–33.
13. Лурье Я. С. Русский «чужестранец» в Индии XV века / Я. С. Лурье // Хожение за три моря Афанасия Никитина. – Л.: Наука, 1986. – С. 76–86.
14. Хожение Игнатия Смолянина в Царьград [Электронный ресурс]. – Режим доступа к тексту: [http:// hram-veshnjaki.ru](http://hram-veshnjaki.ru)
15. Хожение в святую землю московского священника Иоанна Лукьянова (1701–1703) – М. : Наука, 2008. – 691 с.
16. Шмелев И.С. Куликово Поле / И. С. Шмелев // Слово. – 1990. – № 1. – С. 75–78.

Анотація

В статті охарактеризовані відмінні риси сюжету в паломницькому жанрі. В неї проаналізований характер зовнішньої подієвості в паломницьких творах. Події літературного життя, священної та світської історії розглядаються як такий чинник, що породжує сюжет паломництв, здійснених з релігійною або культурологічною метою. Виявлені риси паломницького сюжету в творах І. Буніна, І. Шмелєва та представників селянської прози. Подано пояснення «міфопоетичної» природи сюжету творів розглянутого типу. Розкрито значення внутрішньої подієвості в паломництві.

Ключові слова: паломництво, жанр, сакральний, сюжет, подія.

Аннотация

В статье охарактеризованы отличительные черты сюжета в паломническом жанре. В ней проанализирован характер внешней событийности в паломнических произведениях. События литературной жизни, священной и светской истории рассматриваются как сюжетопорождающий фактор в паломничествах, совершенных с религиозной или культурологической целью. Выявлены черты паломнического сюжета в произведениях И. Бунина, И. Шмелева и представителей деревенской прозы. Дано объяснение «мифопоэтической» природы сюжета произведений рассматриваемого типа. Раскрыто значение внутренней событийности в паломничестве.

Ключевые слова: паломничество, жанр, сакральный, сюжет, событие.

Summary

The article described the distinctive features of the plot in the pilgrimage genre. It analyzed the nature of the external eventness in the pilgrimage narrations. The events of the literary life, sacred and secular history are considered as a factor of plot causing in the descriptions of pilgrimages made with religious or cultural purpose. Identified features of the pilgrimage plot in the literary works of I. Bunin, I. Shmelev and representatives of village prose. The explanation of "mythopoetic" nature of the plot in the literary works of this type. The value of the internal eventness in a pilgrimage narrations is disclosed.

Keywords: pilgrimage, genre, sacred, story, event.